

УДК 82:801.6; 821(091)

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ САМОСОЗНАНИИ ТАТАР

*Д. Ф. Загидуллина, доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент АН РТ*

Представления о поэтическом искусстве в средневековой татарской литературе формировались под влиянием трудов по поэтике арабских, персидских, тюркоязычных мыслителей. Вплоть до начала 1910-х гг., времени появления первых учебников татарских авторов по литературной теории, татарские поэты, ученые, мыслители опирались на сочинения классиков арабо-мусульманской поэтики: «Китаб аль-бадиг» («Книга о новом стиле») Ибн аль-Мугтаза, «Китаб аль-баян» («Стилистика») Аль-Джахиза, «Тарджеман аль-баляга» («Переводы по балягать») Радуйани, «Мизан аль вазн» («Весы стихотворных размеров») А. Навои, «Рисалия гаруз» («Книга об арузе») Захираддина Бабура, «Рисалия джами мохтасар» («Краткое изложение трудов») Вахида Табризи и др.

Арабская литература относится к числу наиболее древних литератур, в которых сформировалась система теоретических представлений о поэтическом искусстве — поэтика. Становление поэтики в арабской литературе исследователи относят ко второй половине VIII—XI вв.¹. В годы правления халифа аль-Мамуна (813—833) была создана самая благоприятная в истории Восточного халифата обстановка для развития естественных наук и философии. В центре внимания просвещенных кругов оказалась философия Аристотеля, аристотелизм лег в основу учений, разрабатывавшихся перипатетиками мусульманского Востока. Родоначальником последних считается аль-Кин-

ди (ок.800 — ок.870), который первым среди арабов ввел в обиход основные концепции аристотелевской философии. Дальнейшее развитие восточного перипатетизма, в рамках которого шла интерпретация античной поэтики, связано с именами аль Фараби (870—950) и Ибн-Сины (980—1037)².

Трактат о поэтике Фараби был задуман как своеобразное руководство к пониманию трактата Аристотеля. Основой учения Фараби, как и великого грека, составляет подражание, при этом им подчеркивается, что в подражании проявляются сходные свойства предмета. Рассматривая поэзию (литературу) как явление, рожденное силой фантазии, он классифицирует поэзию по тематике, а самих поэтов делит на категории: поэты по призванию, поэты, творчество которых основывается только на знании правил стиха, и подражатели. Отсюда, по мнению Фараби, возникают разновидности стилей в поэзии³. В другой работе, «Трактате о законах искусства поэзии», Фараби подробно характеризует фантазию как специфический способ художественной изобразительности. Цель литературы видит в воздействии на воображение и чувства людей с помощью подражания. А главной особенностью искусства слова определяется образность⁴.

Литературно-теоретические взгляды Фараби были развиты ученым-энциклопедистом Ибн Синой, оставившим богатое научное наследие (некоторые специалисты насчитывают 132 подлинные работы мыслителя⁵). Согласно Ибн

Сине, поэтические произведения разделяются на две группы: к первой принадлежат те произведения, в которых изображение полностью соответствует действительности, но лишено способности воздействовать на чувства читателя (именно в этом различие его концепции от определения Аристотеля), ко второй группе относятся произведения, которые создаются при помощи фантазии, в них изображение не совпадает с действительностью, однако они оказывают сильное воздействие на читателя⁶. Поэзия, по его мнению, это слово, способное воздействовать на фантазию, всячески развивать фантазию человека, а такая способность заключена, во-первых, в содержании, во-вторых, в образности. Кроме того, критериями оценки художественного произведения указываются интонация, степень подражания и ритмичность⁷.

Представителем восточной перипатетической школы Абу-ль-Валидом Мухаммед ибн-Ахмед ибн-Рушдом было написано 38 комментариев, из которых 28 сохранилось на арабском языке⁸, среди них — комментарии к таким трактатам Аристотеля, как «Риторика», «Поэтика», «О душе», Платона — «Государство» и многое другое.

Среди комментариев особое место занимает наследие Насруддина Туси, трактат («Асас аль-иктибас» — («Основа для подражания») которого подробно освещает проблемы литературоведения, поставленные еще Аристотелем. По мнению Р.Мусульманкулова, именно Насруддин Туси, говоря о главном законе поэзии — отражении действительности, указывает, что поэзии как роду искусства присущи мухакат (подражание, мимесис), и «наслаждение изображенным» — лаззати-мухакат (катарсис), и представляет концепции мимесиса и катарсиса. Кроме того, важным вкладом в теорию литературы следует считать его определение отличия художественной литературы от риторики, мысли о назначении поэзии и ее соотношении с реальной жизнью: «хотя риторика (хитабат) по значению близка к поэзии,

однако риторика сильна реальностью, а поэзия — фантазией»; «материалом поэзии является слово, а ее форма, согласно современникам — ритм, а согласно знатокам логики — фантазия»⁹.

Таким образом, уже к IX—XI вв. у мусульманских народов важным источником теоретико-литературной мысли стало служить древнегреческое философско-эстетическое наследие. Кроме того, арабские ученые обращались и к трудам индийских философов и филологов. Так, в книге арабского ученого XI в. Аль-Бируни, под названием «Индия», три главы посвящены индийской литературе, в одной из них — XII главе — автор сопоставляет теорию и практику санскритского стихосложения с арабо-персидской метрической системой гаруз¹⁰. И на материале единой поэтики (баягаты) стали выделяться научные направления, основным из которых стало бадиг (бади), учение о поэтических фигурах, ритме и рифме. Учение приобрело очертания сложившейся науки при Аббасидах, появились сочинения на арабском языке Ибн аль-Мугтаза (861—908), Ибн Кутайбы (828—889), Кудама бине Джагфара (ум. около 922), Абу Халила аль-Аскари (ум. 1005), Абдел Хасана Джурджани (ум. 1079) и др.

Особое место в истории арабской средневековой поэтики занимает сочинение Ибн аль-Мугтаза «Китаб аль-бадиг» (887—888), представляющее собой, по мнению И.Ю. Крачковского, «первую попытку систематического анализа поэтического стиля у арабов»¹¹. «Идея этого трактата, — пишет исследователь, — очень проста, о чем в предисловии говорит и сам автор. Он хочет показать, что «новое», или новый стиль с его тропами и фигурами, не создан поэтами нового направления, как это обычно думают. Элементы этого стиля встречаются уже в Коране, в хадисах, в языке бедуинов»¹².

Автор устанавливает 5 фигур нового стиля: *истиғара*, *таджнис*, *мутабака*, *раддел гадж галес-садр* и *аль-мазхаб аль-калами*. Определяя значение этих

категорий (фигур), И.Ю. Крачковский пишет: «По своему значению термины здесь не вполне совпадают с греко-римскими, поэтому нужно все время остерегаться привнесения чуждых понятий в самобытную концепцию»¹³. Так, например, термин «*истигара*», который, по мнению исследователя, обычно переводят как «метафору», у Ибн аль-Мугтаза используется в более широком значении, включающем и синекдоху с метонимией; *мутабака*, традиционно определяемая как антитеза, представляет «сближение», «сопоставление». Последняя фигура *аль-мазхаб аль-калами (силлогизм)* в традиционном понимании не является фигурой поэтического стиля, и, как пишет Крачковский, «то, что она не выпала из позднейшей системы, можно объяснить только уважением к авторитету Ибн аль-Мугтаза»¹⁴. Помимо фигур *бадиг*, Ибн аль-Мугтаз выделяет 13 «украшений» (*махасин*).

Замечание авторитетного ученого по поводу несоответствия (или неполного соответствия) значений терминов Ибн аль-Мугтаза терминам греко-римской поэтики соответствует позиции И.Ю. Крачковского, по которой не следует преувеличивать роль античной поэтики (прежде всего «Поэтики» Аристотеля) в становлении средневековой арабской поэтики. «При большой популярности Аристотеля у арабов, — пишет Крачковский, — это обстоятельство на первый взгляд могло бы показаться несколько странным, если бы его нельзя было вполне убедительно объяснить тем, что круг его читателей и комментаторов состоял почти исключительно из философов или знатоков точных наук. Теоретики и историки литературы, филологи в тесном смысле, остаются в стороне»¹⁵.

Говоря об учении о *бадиг* в средневековой арабской литературе, Н.Ю. Чалисова, выделяет две линии в его развитии: «литературно-критическую» и «кораническую»¹⁶. Первая связана, с одной стороны, с деятельностью филологов, «занимавшихся собиранием

и комментированием древней поэзии, что придало теории филологическую окраску», с другой — с развитием литературной критики, «непосредственной задачей которой в IX в. было осмысление «нового» стиля в поэзии, несколько ранее уже получившего название *бадиг* (например, в трудах Джахиза) и существенно отличавшегося от стиля древней, преимущественно доисламской, поэзии, прежде всего в области «украшений» поэтической речи». Вторая линия, определяемая исследовательницей как экзегетическая (связанная с деятельностью комментаторов Корана), обусловила включение в теорию *бадиг* риторической проблематики¹⁷.

К первой линии Н.Ю. Чалисова относит труды таких ученых, как Абу Халил аль-Аскари (ум. 1004), который в «Китаб ас-санагатайн» («Книга об искусстве») значительно расширил количество фигур *бадиг* (до 36); Ибн-Рашика (999–1064), автора сочинения «аль-Умда» («Основа»), где *бадиг* рассматривается вместе с *арузом* и основами литературной критики (в «аль-Умда» рассматривается уже около 60 категорий *бади*). Ко второй, экзегетической, — работы ар-Руммани (909–996) «ан-Нукат фи иджаз аль-Куран» («Взгляд на Коран в сокращенном виде»), аль-Бакиллани (ум. 1013) «Иджаз аль-Куран» («Сокращенно о Коране»), аль-Джурджани (ум. 1078) «Иджаз аль-Куран» и «Асрар ал-балага» («Тайны балагата»)»¹⁸.

Окончательную форму учение о *бадиг* приобретает в трудах ас-Саккаки (1160–1228), который излагает теорию *бадиг* как третью часть гыйлем аль-балагата наряду с гыйлем аль-маани и гыйлем аль-байан. Ас-Саккаки уже не ограничивается исследованием стиля авторов, художественных средств, а предлагает определения и правила по использованию слов и приемов для совершенствования произведения¹⁹.

Начиная с XII в. появляются трактаты о *бадиг* на персидском языке, но, как отмечает Н.Ю. Чалисова, персидская традиция с самого начала довольно сильно расходится с арабской прежде

всего в составе рассматриваемых фигур²⁰.

Первым опытом по выявлению и определению поэтических фигур на фарси является «Тарджуман аль-балагъ» Мухаммада бине Гумара Радуйани. В нем описаны 77 фигур. Многие из них, как игтираз, тафрик, тафсир, илтифат, ташбих, кинайат, истигарэ, тасик ас-сыйфат и др., дошли до учебников начала XX в. Г. Сагди и др. в той интерпретации, зачастую с тем же определением. При написании книги Радуйани обращался к арабоязычным сочинениям Ибн аль-Мугтаза, аль-Маргинани, аль-Исфахани, но в отличие от арабских авторов, использовавших в качестве примеров отрывки из Корана и хадисов, Радуйани иллюстрирует теоретические положения исключительно примерами из художественной литературы²¹.

Трактат Рашид ад-Дина Ватвата Сады волшебства в тонкостях поэзии («Хадаик ас-сихр фи дакаиш аш-шиир», XII) продолжает заложенную Радуйани традицию. Трактат включает предисловие, 55 глав, каждая из которых посвящена рассмотрению одной фигуры *бадиг* или ее разновидности, и приложение, содержащее объяснение ряда общих терминов поэтической теории²².

Наиболее распространенным среди поволжских тюрков был трактат Шамседдина Мухаммад бине Кайс ар-Рази «Аль-Мугаджам фи магайир ашгар аль-Аджам» («Неарабы о поэзии неарабов») (1218–1233). Именно Шамсе Кайс Рази впервые сознательно ограничивает свой выбор только самыми важными и наиболее распространенными фигурами (их у него всего 56).

Трактат Гатауллы Махмуда Хусайни «Бадигъ ас-санаиг» («Поэтика искусства») (1493) положил начало типологии фигур. В нем все художественные средства разделены на три группы: 1) лафзи (словесные); 2) магнави (образные); 3) лафзи ва магнави (словесно-образные)²³. Гатаулла Махмуд Хусайни дает квалификацию наук, изучающих художественную литературу: 1) гыйлем аль-балагъ (риторика), состоит из

двух самостоятельных наук: а) гыйлем аль-магани (наука об образах); б) гыйлем аль-байан (стилистика); 2) гыйлем аль-бадиг (поэтика). Все направления прежде всего ориентировались на поэзию. Однако на протяжении нескольких веков содержание и соотношение трех разделов арабской науки о литературе неоднократно менялись.

Так, например, всякое нарушение правил стихосложения как в системе метрики и рифмы, так и с точки зрения смысла и содержания считается «изъяном». Именно рассматриваемый вопрос о допустимости или недопустимости тех или иных изъянов направления (накд-и адаби) стал основой для появления литературной критики. Литературная критика в средневековье развивалась по двум направлениям, которые условно можно обозначить как практическое и теоретическое. Практическое состояло в том, что поэты и писатели в своих сочинениях отзывались о творчестве конкретных писателей. Теоретическое направление характеризовалось появлением специальных научных сочинений. «Критика, — пишет в этой связи В. Каскель, — существовала давно, еще во времена Омайядов, однако лишь на рубеже VIII в. она стала претендовать на самостоятельный научный подход (...), что впервые отчетливо прослеживается у Джахиза (первая половина X в.), особенно в «Китаб ал-байан» («Книге разъяснений») ²⁴. Но еще Кудама б. Джагфар (888–968), автор книги «Критика поэзии» («Накд аш-шиир»), разбирает 20 «качеств» поэзии, имеющих отношение к ее четырем основным элементам: словесной форме (лафз), содержанию (магна), метру (вазн), рифме (кафийа) ²⁵. Книги Абдел аль-Кахира аль-Джурджани (ум. в 1078 г.) «Асрар аль-балагъ» и «Далаил аль-иджаз» послужили основой для развития науки гыйлем аль-байан (науки, изучающей искусство ясного и красноречивого выражения). Кроме того, арабская литературная критика создала большое число трудов, названных «Китаб аль-магани» («Книга поэ-

тических мотивов»), где описывались мотивы всех основных жанров арабской поэзии (например, общеизвестный трактат аль-Аскари (ум.после 1005 г.) «Диван аль-магани») ²⁶. Чуть позже это направление стало называться гыйлем аль-магани (наука о значениях). В подобных сочинениях, которые со временем стали называть гыйлем накд-адаби (литературной критикой), тщательно разбирались и классифицировались всевозможные общие «изъяны» произведений. Кроме того, в трудах по поэтике тоже уделялось внимание характерным и общим для многих сочинений изъянам. Такая традиция продолжается и в первых книгах по теории татарской литературы.

Одной из основ арабской поэтики являлась метрика, основателем которой был арабский ученый, языковед Халил ибн Ахмад Фарихиди (719–792). Вместе с религией ислама данные науки – «гыйльме гаруз» и «гыйльме аль-кавафи» – проникают в персидскую литературу и тюркский мир, воспринимаются в качестве системы стихосложения. В то время появляются первые специальные сочинения теоретического характера на фарси, от которых в лучшем случае сохранились одни названия. Так, авторами первых трактатов на фарси об арузе и рифме считаются Абу Йусуф и Абу-л Ала Шуштари, о которых упоминает в своей книге Радуяни. Одно из сочинений принадлежало перу современника Махмуда Газнавидского – Абу Сада Ахмада б. Мухаммада Маншури Самарканди под названием «Мухтасар», на которое впоследствии был написан комментарий под названием «Казн ал-гараиб» Хуршиди, также не дошедший до нас. Несколько трактатов составил Рашиди Самарканди (сохранилось название одной из книг – «Зиннат намэ» («Книга украшений»)) ²⁷.

Вскоре появились фундаментальные работы по персидскому гарузу, например, «Рисалия джами мохтасар» («Краткое изложение трудов») Вахида Табризи, «Асас аль-иктибас» («Основа для подражания») Насруддина Туси

и другие, внесшие отдельные изменения в метрику в связи с требованиями свойств национальной поэзии ²⁸.

Тюркоязычная поэзия опиралась на арабо-персидскую теорию стиха, созданную на основе поэтических образцов на этих языках. В XV–XVI веках тюркские ученые, изучив труды арабских и персидских филологов, создают ряд работ, в которых предпринимают попытку приспособления их основных положений к особенностям своего языка. Это, в частности, «Мизан аль вазн» («Весы стихотворных размеров») Алишера Навои, «Рисалия гаруз» («Книга о гарузе») Захираддина Бабура.

Алишер Навои (1441–1501) – государственный деятель, крупнейший тюркский поэт, автор трактатов по поэтике, лингвистике, истории, а также библиографических сочинений. Был учеником поэта-суфия Абдулрахмана Джамии (под его влиянием вступил в суфийский орден Накшбенди). Его трактат «Мухакамат ал-лугатайн» («Суждение о двух языках» или «Тяжба двух языков») (1499) был написан с целью показать художественное совершенство тюркского языка, не уступающего в этом фарси, а в некоторых случаях и превосходящего изображение последнего, укрепить его престиж как языка литературы ²⁹. Общеизвестными стали его трактаты теоретического характера: «Рисалия мугамма» (1491), посвященный жанрам стихотворной шарады и загадки, «Насаимел-махаббат» (1496), касающийся особенностей суфийской поэзии ³⁰.

Трактат А. Навои «Мизан аль» стал сочинением, где впервые основы гаруза изложены на материале тюркоязычной литературы. Изучив труды по арабскому и персидскому гарузу Фарихиди, Шамсе Кайс Рази, Насруддина Туси, Джамии и др., Навои приходит к выводу, что из восьми рукнов пять (мафагилун, фагилатун, мустафагилун, мафулату и фагулун) применяются в тюркских литературах наиболее часто. А различные сочетания рукнов дают девятнадцать основных родов гаруза ³¹. По мнению

И.В.Стеблевой, такое осмысление различий тюркского и персидского гаруза могло явиться результатом многолетней поэтической практики тюркоязычных поэтов по нормам арабо-персидской поэтики³².

Основатель империи Великих Моголов (1483–1530) был не только талантливым полководцем и крупным поэтом, но и ученым. Его трактат по истории литературы «Бабурнамэ» посвящен описанию научных трактатов, анализу литературных произведений. Высоко оценив наследие А.Навои, Бабур указывает на его ошибки. Примечательно, что издавший в 1948 г. трактат Навои проф. Иззат Султанов признает правомерность критики Бабура³³.

Бабур является автором «Трактата о гарузе» («Рисалии гаруз»³⁴), посвященного рассмотрению гаруза на материале тюркоязычной поэзии, в котором показаны принципы приспособления арабо-персидской квантитативной метрики к тюркским языкам, не имеющим фонологического различия долгих и кратких гласных.

Основная часть трактата Бабура посвящена описанию особенностей применения гаруза в персидской и тюркской литературе. Вместе с тем автор детально разъясняет основные законы гаруза, обогащая тюркский гаруз новыми правилами. Бабур выделяет 10 ритмических единиц, добавив к предложенным Навои еще две. В отличие от Навои, который выделил 32 зихаф, Бабур выделяет 44.

Трактаты были очень популярны среди татар и имели большое теоретическое и практическое значение, так как возникновение теоретико-литературной мысли в области стихосложения происходит на основе национальной художественной практики с учетом языковых особенностей. Эти сочинения были своего рода руководством для поэтов.

Многие востоковеды (П.А.Гринцер, Н.В.Юшманов, М.А.Салье и др.) рассматривают развитие средневековой литературоведческой мысли в тесной

взаимосвязи с трудами по языкознанию, так как основой основ поэзии считался поэтический язык. По мнению П.А.Гринцера, средневековые риторики заимствовали понятие фигуры речи и общие представления о некоторых таких фигурах. Интерпретация этих фигур как поэтических начиналась как раз там, где логики и грамматики оставались в своем анализе³⁵.

Арабское языкознание обращается к результатам индийских и античных лингвистических традиций. Из-за различий между арабским и санскритом, древнегреческим ученые были вынуждены интерпретировать эти результаты в фонетическом, морфологическом, лексическом аспектах³⁶. Как доказательство того, что санскритская теория поэзии была теорией лингвистической, П.А.Гринцер приводит определение поэзии: «Поэзия — это слово и смысл, соединенные вместе»³⁷. Это определение было основным и в арабской науке о литературе, с незначительными вариациями повторялось в течение веков и дошло до первых учебников по теории литературы у татар Г.Сагди.

Первой арабской грамматикой, дошедшей до нас, является сочинение басрийца Сивавахи (ум. 794 г.) «Аль-Китаб» («Письмо»). Сивавахи был учеником Халиля ибн Ахмада ал-Фарихиди — основоположника теории арабского стихосложения и лексикографии, автора известного толкового словаря арабского языка «Китаб ал-айна» («Книга по алфавиту»)³⁸. В своем трактате Сивавахи дает развернутое и детальное описание всех проблем грамматики арабского языка: синтаксиса, морфологии, словообразования и фонетики. Проблемы языкознания рассматриваются им на материале поэтических произведений арабских авторов.

То же самое наблюдается и на материале словарей, которые были составлены специально для поэтов, по методу рифмы. Словари фиксировали новое метафорическое словоупотребление в литературе и тем самым способствовали совершенствованию арабского литера-

турного языка. Это словари Халили ибн Дурайда (ум. 934), Аль Джаухари (ум. ок. 1007), Ибн Манзура (ум. 1311), Фирузабади (1326–1414) – последний был переведен на персидский и турецкий языки³⁹. Даже словари, составленные в алфавитном порядке (Ибн Фариса (X в.), Ар-Рагиба Ал-Исфахани, Замахшари и др.), были созданы с учетом потребностей поэтов средневековья. Так, Замахшари снабжал пометками слова со значениями основными и метафорическими⁴⁰.

Такая особенность ярко проявляется на материале персидской лексикографии. Толковые словари персидского языка – фарханги – начали составляться с IX в., одновременно с развитием литературы на новоперсидском языке. Самым ранним памятником персидской лексикографии, сохранившимся до наших дней, является «Лугат-и фарси» («Словарь персидского языка»), составленный в Азербайджане приблизительно в 1065 г. поэтом Асади Туси. Кроме того, известны словари, составленные Абу Хафсом Согди («Фарханг-и Абу Хафс Согди», конец IX – начало X вв.), Катрана (ум. 1072–1073 гг.), основоположника персидско-таджикской литературы Рудаки («Тадж аль-масадир фи-л лугат-и фарси» – «Венец инфинитивов в персидском языке»), классика новоперсидской литературы Фаррухи («Навадир аль-лугат» – «Редкости слов»)⁴¹.

Структурный принцип раннего фарханга – построение по последней букве толкуемого слова – находился в прямой связи с прямым назначением словаря – быть словарем-справочником для чтения поэтических произведений. «Составляемые, как правило, поэтами, и предназначенные для поэтов, фарханги, построенные на лексике поэтических произведений, воспроизводили структурный принцип диванов – сборников стихов, где стихотворения внутри разделов следовали в алфавитном порядке конечных букв рифм»⁴².

Начиная со словаря Асади Туси, почти каждое толкование подтверждалось стихотворной цитатой, содержа-

щей пример из употребления этого слова в поэтическом контексте. Толкуемое слово часто повторялось в нем в составе рифмы, в строках парнорифмующегося двустипшия или в четверостишии. Асади Туси пишет в предисловии, что сын его, поэт, просил составить словарь так, «чтобы к каждому слову было подтверждение из стихов персидских поэтов, бейт или два»⁴³. Словарь Фирузабади (1329–1414) «Камус» («Океан»), например, полностью составлен на материале поэзии⁴⁴. В словаре XV в. «Адат аль-фузала» как приложение даны арабские фразы из «Гулистана» Саади. В словаре «Фарханг-и Джахангири» (XVII в.) Хусейна Инджу в приложении приведены метафоры и поэтические термины. Иллюстративные стихи, – как правило, бейт (двустипшие), мисра (полустипшие), реже – четверостишие, иногда фрагмент в несколько бейтов, – предваряются в словарях указанием имени их автора и вводятся следующими формулами: «Шахид сказал...», «У Рудаки сказано...» и т.д. Изредка составители отмечают название цитируемого сочинения. Включение стихотворных примеров с указанием имени поэта и (в редких случаях) названия произведения придает исключительную ценность персидским лексикографическим сочинениям, так как именно фарханги оказались в ряде случаев единственными источниками, сохранившими тексты утраченных литературных произведений наиболее раннего этапа развития поэзии на новоперсидском языке.

Только с середины XIV в. персидские лексикографы начинают руководствоваться первой буквой толкуемых слов. Но именно в это время появляется новое направление – составление толковых словарей наиболее известных произведений художественной литературы или отдельных авторов. Наибольшее число словарей составлено на материале творчества Фирдоуси («Шахнаме»), Низами («Искандер-наме»), Джалал ад-Дин Руми («Месневи маанави»), Саади («Гулистан» и «Бустан»), Хафиза. По мнению С.И.Баевского,

«ранние персидские толковые словари новоперсидского языка представляли собой не только пособия для чтения поэтических текстов, но и своего рода учебники литературного мастерства. Они совмещали в себе словари трудных рифм, словари синонимов, пособия для построения метафор, т.е. расширяли представление о художественных возможностях слова⁴⁵.

С XV в. составляются персидско-турецкие словари, которые помогали тюркоязычному читателю в освоении персидской поэзии «Шамил ал-лугат» (1494), «Василат ал-макасид» (1497), «Лугат-и Халими» (1511), «Тухфе-йе Шахиди» (1514), «Лугат-и Ниматалла» (не позднее 1540) и др.).

Главной формой существования и развития теоретико-литературной мысли у татар была сама литература. Еще в 1908 г. известный востоковед И.Ю.Крачковский сформулировал мысль о том, что арабскую поэзию нужно изучать именно в литературоведческом плане, она не должна рассматриваться только как источник сведений для историка, и оценивать эту поэзию следует в контексте ее собственного развития⁴⁶. Те же слова можно говорить и о восточной, в том числе и татарской поэзии вообще.

Авторы создавали свои произведения по образу и подобию уже существующих, которые служили пособием-наставлением к творчеству. Кроме того, сами художественные произведения включали в себя информацию теоретического характера. Так, например, арабский филолог ал-Асмаги (ум. между 825–832) утверждал, что всякий человек, желающий стать превосходным поэтом, должен хорошо знать правила стихосложения (гаруз), помнить на-

изусть значительное число поэтических произведений своих предшественников, удерживать в памяти поэтические мотивы (магни) и их конкретные словесные реализации (алфаз), быть сведущим в грамматике, а также истории и генеалогии арабов. Об этом же писал фарсиязычный автор Низами Арузи (XII в.), утверждавший, что поэт не достигнет высокой степени совершенства, если «не заучит наизусть двадцать тысяч стихов предшественников и не прочтет десять тысяч строк из произведений современников, если он не будет постоянно читать диваны великих мастеров и постигать, каким образом они превзошли и разрешили все трудности и тонкости слова, с тем, чтобы все виды и возможности поэзии запечатлелись в его естестве, а недостатки и достоинства стиха обрисовались на страницах его разума, дабы слово его устремилось к возвышению и талант приобрел склонность к совершенствованию»⁴⁷. В результате этот естественный синкретизм теоретической и художественной мысли средневековья давал возможность обходиться без специальных теоретико-литературных работ, которые по своей природе призваны решать те же самые задачи: служить, с одной стороны, наставлением для поэтов, а с другой — пособием для соответствующего восприятия и оценки произведения. Как подчеркивает И.В.Стеблева, творческая задача поэта-тюрка состояла в том, чтобы формально воспроизвести весь комплекс идей и представлений, именуемых персидской поэзией, на тюркском языке, создать, а не перевести, отразив в большей или меньшей степени свое национальное «я», свое знакомство с формами и содержанием тюркского фольклора⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр., *Куделин А.Б.* Средневековая арабская поэтика / А.Б.Куделин. — М., 1983. — С. 4.

² *Сагадеев А.В.* Ибн-Сина (Авиценна) / А.В.Сагадеев. — М.: Мысль, 1985. — С. 20–21.

³ *Шарипов Х.* Формирование таджикской литературно-теоретической мысли в V–XI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х.Шарипов. — Душанбе, 1970. — С. 18.

- ⁴ Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X–XV вв.) / Р. Мусульманкулов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1989. – С. 6–7.
- ⁵ Сагадеев А.В. Ибн-Сина (Авиценна) / А.В.Сагадеев. – М.: Мысль, 1985. – С. 25.
- ⁶ Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X–XV вв.) / Р. Мусульманкулов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1989. – С. 7.
- ⁷ Сагадеев А.В. Ибн-Сина (Авиценна) / А.В.Сагадеев. – М.: Мысль, 1985. – С. 18–19.
- ⁸ Сагадеев А.В. Ибн-Рушд (Аверроэс) / А.В.Сагадеев. – М.: Мысль, 1973. – С. 45.
- ⁹ Мусульманкулов Р. Литературно-эстетические взгляды Насириддина Туси // Актуальные проблемы философской и общественной мысли зарубежного Востока / Р. Мусульманкулов. – Душанбе, 1983. – С. 130–138.
- ¹⁰ Стариков А.А. Аль-Бируни о метрике индусов / А.А.Стариков // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. – М.: Наука, 1964. – С.304.
- ¹¹ Крачковский И.Ю. Избранные соч. Т.VI / И.Ю.Крачковский. – М.–Л., 1960. – С.138.
- ¹² Там же. – С. 364.
- ¹³ Там же. – С. 364.
- ¹⁴ Там же. – С. 365.
- ¹⁵ Там же. – С. 363.
- ¹⁶ Чалисова Н.Ю. Рашид ад-дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» / Н.Ю.Чалисова // Рашид ад-дин Ватват. Сады волшебства. – М.: Наука, 1985. – С. 17.
- ¹⁷ Там же. – С. 15.
- ¹⁸ Там же. – С. 17.
- ¹⁹ Кулиева М. Вопросы теории арабской литературы на основе «Мифтах ал-улум» Ас-Саккаки: дис. ... канд. филол. наук / М.Кулиева. – Баку, 1983. – С. 153.
- ²⁰ Чалисова Н. Рашид ад-дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» / Н.Чалисова // Рашид ад-дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. – М.: Наука, 1985. – № 71.
- ²¹ Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X – XV вв.) / Р. Мусульманкулов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1989. – С.12.
- ²² Чалисова Н.Ю. Рашид ад-дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» // Рашид ад-дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Перевод с персидского, исследование и комментарий Н.Ю.Чалисовой. – М.: Наука, 1985. – С. 9.
- ²³ Мусульманкулов Р. Персидско-таджикская классическая поэтика (X–XV вв.) / Р. Мусульманкулов. – М.: Наука. Гл. ред. восточной лит-ры, 1989. – С. 16.
- ²⁴ Каскель В. «Китаб ал-бадиг» и ее место в арабской поэтике и риторике / В.Каскель // Арабская средневековая культура и литература: Сб. статей зарубежных ученых. – М.: Изд-во «Наука», 1978. – С. 199.
- ²⁵ Сагадеев А. Из истории эстетической мысли народов Ближнего и Среднего Востока (эпоха средневековья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Сагадеев. – М., 1964. – С. 13.
- ²⁶ Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи / А.Б.Куделин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 174.
- ²⁷ Чалисова Н.Ю. Рашид ад-дин Ватват и его трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии» // Рашид ад-дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии. Перевод с персидского, исследование и комментарий Н.Ю.Чалисовой. – М.: Наука, 1985. – С. 19.
- ²⁸ Аллахвердиев Т. Труд Хатиба Тебризи «Китаб ал-кафи фи-л-аруз ва-л-кавафи» как источник по восточной поэтике / Т.Аллахвердиев. – Баку: Элм, 1992. – С. 5.
- ²⁹ Насилов Д.М. Лингвистические взгляды Алишера Навои // История лингвистических учений: Средневековый Восток. Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. – М.: Наука, 1981. – С. 148.
- ³⁰ Маллаев Н. Гениальный поэт и мыслитель. Материалы для лекций и докладов к 525-летию со дня рождения Алишера Навои / Н.Маллаев. – Ташкент, 1968. – С. 14–15.
- ³¹ Хамраев М. Очерки теории тюркского стиха / М.Хамраев. – Алма-Ата: Мекитеб, 1969. – С. 24–25.
- ³² Стеблева И.В. О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию / И.В. Стеблева // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. – М.: Изд-во «Наука», 1964. – С. 286.

³³ *Хамраев М.* Веков неумирающее слово. Литературоведческие статьи / М.Хамраев.— Алма -Ата:Жазушы, 1969. — С. 32.

³⁴ Другие названия этого трактата — «Мохтасар фи-л гаруз», «Мофассал». См.: Стеблева И. Трактат Бабура об арузе / И.Стеблева // Захираддин мухаммад Бабур. Трактат об арузе. — М.: Наука, 1972. — С. 22–23.

³⁵ *Гринцер П.А.* Санскритская поэтика и античная риторика: теория «украшений» / П.А.Гринцер // Восточная поэтика: Специфика художественного образа. — М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. — С. 30.

³⁶ *Звегинцев В.А.* История арабского языкознания. Краткий очерк / В.А.Звегинцев. — М.: Наука, 1958. — С. 32.

³⁷ *Гринцер П.А.* Санскритская поэтика и античная риторика: теория «украшений» / П.А.Гринцер // Восточная поэтика: Специфика художественного образа. — М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. — С. 30.

³⁸ *Ахведиани В.Г.* Арабское языкознание средних веков // История лингвистических учений: Средневековый Восток. Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. — М.: Наука, 1981. — С. 56.

³⁹ Там же. — С. 92.

⁴⁰ Там же. — С. 93.

⁴¹ *Баевский С.И.* Средневековая персидская лексикография // история лингвистических учений: Средневековый Восток. Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. — М.: Наука, 1981. — С. 116.

⁴² Там же. — С. 118.

⁴³ Там же. — С. 124.

⁴⁴ *Кондрашов Н.А.* История лингвистических учений: Учеб. пособие для студентов / Н.А.Кондрашов. — М.:Просвещение, 1979. — С.22.

⁴⁵ *Баевский С.И.* Средневековая персидская лексикография // История лингвистических учений: Средневековый Восток. Отв. ред. А.В.Десницкая, С.Д.Кацнельсон. — М.: Наука, 1981. — С. 128.

⁴⁶ *Стеблева И.В.* Изучение теории восточных литератур в России: XX век / И.В.Стеблева. — М.: Изд-ская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — С. 6.

⁴⁷ Цит. по: *Куделин А.Б.* Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи / А.Б.Куделин. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 172–173.

⁴⁸ *Стеблева И.В.* О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию / И.В.Стеблева // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. — М.: Изд-во «Наука», 1964. — С. 286–287.

Summary

This article is devoted to Arab-Islamic poetical traditions in Tatar's literary consciousness.